

Муратов Юрий Михайлович

ЯЗЫКОВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О МЕСТЕ СОВЕРШЕНИЯ КРАЖ

Статья рассматривает мотивацию обозначения кражи в русском языке по месту ее совершения. Исследование данной модели представляется важным для анализа всего лексико-семантического поля (ЛСП) 'присвоение чужого' в русском языке, так как, во-первых, она связана с праславянским именованим человека по месту его обитания, а во-вторых, исключительно в рамках данной модели формируется большинство *nomen agentis* всего поля.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. III. С. 140-143. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Слова Молчалина не раскрывают ни его планов, ни мировоззрения. Тартюф же, наоборот, много говорит, но не то, что есть на самом деле, а постоянную ложь. И то и другое – лицемерие, хитрость (психологическая суть одинакова, хотя образы во многом различны).

Одна из целей Грибоедова – своей комедией показать опасность российских «тартюфов», первым из которых А. С. Пушкин назвал Екатерину II – «Тартюфа в юбке и короне» [5]. А. С. Грибоедов увидел одну из самых важных и тревожных антропологических перспектив российского общества – эгоизм, равнодушие, молчание, оторванность от подлинно общественных интересов. Беда в том, что в фамусовской России очень многие молчат, и это становится правилом. Порок лицемерия в начале XIX века уже не модный, а распространенный, что отчетливо воплощено в образах гостей фамусовского дома (Скалозуб, Репетилов, Загорецкий и пр.). Можно сделать вывод, что порок уже и не осознается таковым.

Итак, сопоставление образов лицемера у Мольера и Грибоедова позволило выявить много сходных черт. При этом ни проблемы, ни идеи, ни образы не просто переносятся из одного произведения в другое, не просто наследуются как дань литературной традиции. Близкие, сходные вопросы ставит сама жизнь и историческое развитие, имеющее свои закономерности и общие антропологические корни.

Список литературы

1. **Веселовский А. Н.** Альцест и Чацкий // Мольер Ж.-Б. М.: АСТ, 1997. 766 с.
2. **Грибоедов А. С.** Горе от ума. М.: ГИХЛ, 1957. 128 с.
3. **Мольер Ж.-Б.** Избранное / пер. с фр.; вступ. ст. О. Тимашевой. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. 512 с.
4. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд-е, доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
5. **Пушкин А. С.** Заметки по русской истории XVIII века // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. 11. Критика и публицистика. 1819-1834. 1949.
6. **Тимохин В. В.** Поэтика комедии Мольера «Скупой». Связь комедии с литературой античной и Нового времени. М., 2003. 305 с.
7. <http://theresecorthay.ch/library/moliere/l-avare/> (дата обращения: 07.12.13).

THE TYPE OF HYPOCRITE IN THE HIGH COMEDIES OF J. B. MOLIÈRE AND THE COMEDY OF A. S. GRIBOYEDOV “Woe FROM WIT”

Moiseev Evgenii Aleksandrovich

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
raul1987@yandex.ru

The article tries to investigate the representation of the problem of hypocrisy in the high comedies of J. B. Molière and in the comedy of A. S. Gribojedov – “Woe From Wit”. Summarizing the results of the research the author identifies the typical features of hypocrite in the mentioned works. Describing the typical characteristics, the author takes into consideration both the peculiarities of writers’ artistic method and specifics of society development in France and Russia.

Key words and phrases: high comedies of J. B. Molière; A. S. Gribojedov; type of hypocrite; interaction of literatures; Harpagon; Tartuffe; Molchalin.

УДК 8; 811.161.1

Филологические науки

*Статья рассматривает мотивацию обозначения кражи в русском языке по месту ее совершения. Исследование данной модели представляется важным для анализа всего лексико-семантического поля (ЛСП) ‘присвоение чужого’ в русском языке, так как, во-первых, она связана с праславянским именованием человека по месту его обитания, а во-вторых, исключительно в рамках данной модели формируется большинство *poter agentis* всего поля.*

Ключевые слова и фразы: лексико-семантическое поле; мотивационная модель; история русской лексики; местообитание; биотоп; присвоение чужого; красть; вор.

Муратов Юрий Михайлович

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
georgemoor@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О МЕСТЕ СОВЕРШЕНИЯ КРАЖ[©]

Наименование человека по местообитанию являлось одной из его ключевых номинаций в истории славянской культуры, начиная со времени расселения древних славянских племен с их традиционными названиями.

В процессе экономико-политического развития социума биотоп человека дополняется другими, более существенными на данном этапе развития общества принципами (моделями) номинации. Широкое распространение получили наименования по отношению к труду, по поведению в социуме. К их числу относятся и значительная часть лексического наполнения лексико-семантического поля «присвоение чужого».

В лексико-семантическом поле «присвоение чужого» в русском языке, несмотря на кажущуюся простоту, отражаются различные характеристики – признаки хищения, отмеченные носителями языка: в частности, осторожное передвижение вора (*красть*), перемещение предмета (*тащить, грабастать, угнать, умыкнуть, тырить* и др.), сходство лишения имущества с обдиранием (*урвать, отторгать* и др.), аморальность поведения вора [3, с. 202-209]. «Прятать», «перемещать», «копить» и метафорическое переосмысление других неблагоприятных поступков являются основными мотивационными моделями для лексико-семантического поля «присвоение чужого» для всего индоевропейского пространства [11]. Мотивация обозначения кражи/вора по месту промысла преступника относится к числу непродуктивных, но представляется весьма интересной для исследования данного фрагмента языковой картины мира ввиду ее соответствия древнему принципу характеристики человека по биотопу.

В русском языке насчитывается более 15 мотивационных моделей, по которым развились значение «красть» и его производные, однако характерной особенностью этого ЛСП является то, что большинство моделей не представлены в русском литературном языке, а зачастую их фиксация в русском языке ограничена одним диалектом или жаргоном. Привлечение подобных лексем и моделей для анализа всего лексико-семантического поля «присвоение чужого» не только обогащает и углубляет сам анализ, но и, в сущности, является основой любого этимологического анализа.

Лексика, соответствующая данной мотивации, относится к новому времени, на что указывает отсутствие точных параллелей в других славянских языках и в древнеславянских письменных памятниках, а также ареальная диалектная ограниченность соответствующих лексем. Основным критерием отнесения данных образований к собственно русскому периоду является их прозрачная словообразовательная структура с использованием актуальных словообразовательных моделей, что делает еще более существенной реализацию здесь древней модели мотивации по месту.

Единственным этимологическим гнездом, развившим обозначение кражи на основе места промысла вора, представленным в русском литературном языке (его разговорной разновидности), является гнездо пр.-сл. **domъ* «(родной) дом» (< и.-е. **domus* как обозначения не только собственно строения со стенами и крышей, но общественной организации, семьи [10]). Однако именно дом как постройка послужил основой для формирования рус. разг. *домушник* «промышляющий квартирными кражами» (откуда затем *домушничать* «промышлять квартирными кражами») – как формы, так и значения. С формальной точки зрения для *домушник* стоит предположить следующую словообразовательную цепочку: **домуш(a)* «домосед» (сущ. общего рода типа *дорогуша, хромуша, роднуша* – крайне продуктивный тип сущ. в рус. разг. речи с оттенком ласкательности [5, с. 173-174], ср. диал. новг., псков. *домáха* «домоседка» [7]) > **домушный* «относящийся к названному мотивационной основой» > *домушник*, образованный посредством продуктивного суффикса *-ник*, «обозначающего предмет (одушевленный или неодушевленный), характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом» [5, с. 183].

В русских диалектах исследуемая мотивационная модель представлена шире – образованиями нескольких этимологических гнезд.

Прежде всего, это рус. *дебри* < пр.-сл. **dъbrь* «яма, ров, овраг» (реконструируется на основе продолжений во всех славянских языках [9, т. 5, с. 176], родственными признаются пр.-сл. **dъbno* и **duplo*, свидетельствующие о первичности семантики глубины, позднее вторично изменившейся в «труднопроходимая, дикая часть леса». Именно в этом значении слово *дебри* стало основой для образования глагола диал. новг. *сдѣбрить* «украсть что-то у к.-л.» [4, т. 10, с. 31] с мотивацией по месту действия преступника – в незащищенной, глухой местности.

Следующее гнездо – рус. *лес* < пр.-сл. **lěszь*. В славянских языках его производные имеют значения «лес (лиственный)», «срубленные деревья, бревна», «строительный материал», «какое-либо приспособление, орудие для ловли рыбы и под.» [9, т. 14, с. 249]. Версия, принятая большинством этимологов, связывает слав. **lěszь* с лит. *laiška* «лист» [12, S. 30-31], что поддерживается славянским материалом, где *лес* «лиственный лес, ветки, побеги» [9, т. 14, с. 252]. Поэтому предполагается, что **lěszь* исконно не входил в географическую терминологию, но был термином подсечного земледелия: при подсечном земледелии вторично вырастают только лиственные деревья. Производными от *лес* являются диал. урал. *лесовать* «охотиться», «работать в лесу (собирают шишки, рубить лес)» и «воровать (она, может, дома лесует, сахару ищет)» [6, т. 2, с. 93]. Значение развивается от «собирают» > «добывают», что следует из значения диалектного глагола: «промышлять (в лесу)» > «добывать» > «воровать». Следовательно, значение «воровать» вторично связано с «лес». Однако не исключена возможность установления в языковом сознании непосредственно связи *лесовать* «воровать» с *лес*, так что воровство характеризуется по действию в незащищенной, дикой местности, аналогично рассмотренному выше *сдѣбрить*.

Далее, рус. *дорога* < пр.-сл. **dorga*, восходящее к пр.-сл. **dorgati* с первичной семантикой «драть, щипать, скрести (вообще отделять что-либо от чего-либо: лен от волокон, ствол от коры, тушу от перьев и под.)», так что дорога названа славянами как расчищенное место [9, т. 5, с. 74-75]. При полностью забытой славянскими языками первичной мотивации рефлекс **dorga* в русском языке (и других славянских языках) приобретают коннотации чего-то опасного – опять же на основе незащищенности местности, простирающейся на большие

расстояния. С момента своего появления дорога становится не только транспортной артерией, но и важным способом достаточно легкого и безнаказанного обогащения – ср. рус. *разбойник с большой дороги; обуть/разуть* 'украсть, обмануть' < исторически 'грабить путников, снимать с них обувь'. Соответственно от *дорога* образуются пары слов со значениями, которые подразумевают социальное противопоставление: диал. урал. *дорожник* «путник, торговец» – *дорожник* «грабитель», *дорожничать* «торговать» – (устар.) *дорожничать* «грабить» [6, т. 1, с. 142]. С другой стороны, образуются пары *дорожник* «грабитель» – *дорожничать* «грабить», *подорожник* «хулиган» – *подорожничать* «хулиганить», (устар.) «воровать» [Там же, т. 4, с. 61], *большедорожник* – *большедорожничать* «вор» – «воровать» [Там же, т. 1, с. 50], непосредственно связывающие обозначения действия вора и названия вора между собой и с местом кражи.

В русском жаргоне модель обозначения кражи по месту преступления пополняется образованием *городушник* «вор, крадущий с прилавков магазинов» (при угол. *городуха* «кража под видом покупки») [1, с. 93], входящим в гнездо *город* (< пр.-сл. **gord-* «ограждение, забор, огороженный участок земли» [9, т. 19, с. 37]). Непосредственной производящей основой для *городуха* > *городушник* может быть рус. угол. жарг. *город* «магазин» [2, с. 136], появившееся на основе метонимии город-магазин (ср. устар. *поехать в город за покупками*) вследствие отсутствия магазинов в старых русских деревнях.

Русскому жаргону принадлежат и наиболее любопытные образования, восходящие к гнезду рус. *сон* < пр.-сл. **srъnъ* > **srъnъ*, который не менял своего значения с и.-е. периода и сохраняет его в продолжениях во всех славянских языках – «сон, сновидение» [8, т. 3, с. 717]. Благодаря многозначности суффикса *-ник* рус. жарг. *сбнник* получает значение «вор, обирающий спящих; квартирный вор» [1, с. 382]. Включение этого образования в данную мотивационную модель представляется оправданным ввиду довлеющей семантики, связанной скорее именно с местом совершения краж, при второстепенности обозначения времени ее совершения, которое при этом обозначается другим корнем: ср.: *сбнник-темняк* «вор, залезающий в неосвещенное помещение», при *сбнник-светляк* «вор, залезающий в квартиру днем» [Там же], где *сонник* указывает на место совершения кражи, а *светляк* и *темняк* – на ее время. *Сбнник-светляк* указывает на окончательную потерю этимологического значения корня *сон-*, из-за чего становится возможной его сочетаемость с корнем *свет-*. Изначальная мотивация по признаку «обирание спящих», основанная на значении корня **srъn-*, практически сразу смещается к другому центру, устраняя семантический компонент «спящая жертва», таким образом становясь мотивированной по месту совершения кражи.

Рассмотренная мотивационная модель, описывающая кражу по месту ее совершения, занимает важное место в ЛСП «присвоение чужого» в русском языке, поскольку она втягивает в обозначение кражи такой важный и древний элемент как характеристика человека по биотопу и наполняет исследуемое ЛСП редкими для него *potina actionis* (*домушник, дорожник, сонник, городушник*). Анализ одной редкой мотивационной модели ЛСП «присвоение чужого» существенно расширяет границы исследования данного поля. Как показывает исследование поля, оно является крайне бедным на номинацию самого вора, однако одна только модель, описывающая кражу по месту ее совершения, дает около десяти таких образований. Кроме того, как показало исследование, для русской картины мира место совершения кражи является несущественным для обозначения кражи, существенные компоненты остаются неизменными с праславянского периода, как-то: незаметность, быстрота совершения кражи. При этом само наличие целой мотивационной модели, анализ которой показан в данной статье, доказывает существенность включения даже мелких и периферийных элементов для общего анализа поля.

Общей исходной семантической основой модели является, вероятно, представление о неохраняемой, дикой и обширной местности, такой как дебри, лес, дорога. В течение многих веков в истории человечества перечисленные биотопы исключались из пространства, затронутого культурой и законом, они существовали по своим, более примитивным законам, ориентированным на преимущества физического превосходства и легкость ускользания в таком пространстве. Именно подобные внецивилизационные пространства становятся основой для формирования данной модели. Прозрачность и актуальность словообразовательной структуры данных лексем указывает на сохранения концепта ничейного пространства (где законы если и действуют, то менее эффективно) очень долго – вплоть до Нового времени. И таким образом, данная мотивационная модель оказывается связанной с первичной для всего ЛСП «присвоение чужого» в русском языке моделью «незаметное перемещение преступника» (*красть, таить* и др.), являющейся индоевропейским наследием [11].

Другая подгруппа лексем в рамках данной мотивационной модели (*домушник, сонник, городушник*) принадлежит к более новой части соответствующего фрагмента языковой картины мира, отражающей преимущественное внимание к преступлениям в том или ином законодательно охраняемом социотопе.

Список литературы

1. Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга. М.: АСТ-Пресс Книга, 2010. 672 с.
2. Мокиенко В. Н., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2001. 720 с.
3. Муратов Ю. М. «Неправильное поведение вора» как одна из мотиваций в лексико-семантическом поле «присвоение чужого (силой или тайно)» в русском языке // Этимология 2009-2011. М.: Пробел-2000, 2012. 432 с.
4. Новгородский областной словарь: в 13-ти вып. / под ред. В. П. Строговой. Новгород: Изд-во Новгородского пед. ин-та, 1992-2000.
5. Русская грамматика: в 2-х т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Московская типография № 2, 2005. Т. 1. 784 с.
6. Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7-ми вып. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1964-1988.

7. **Словарь русских народных говоров:** в 41-м вып. / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. М.: Наука, 1965-2008.
8. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Астрель; АСТ, 2004.
9. **Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд:** в 37-ми вып. / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1974-2011.
10. **Benveniste É.** Le Vocabulaire des institutions indo-européennes. 2 volumes. Paris: Les Editions de Minuit, 1969. V. 1. S. 293.
11. **Buck C. D.** A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago: University of Chicago press, 1988. S. 789.
12. **Marvan J.** Informační bulletin pro otázky jazykovědne. Praha: Univerzita Karlova v Praze Filozofická fakulta, 1964. S. 210.

LINGUISTIC REPRESENTATIONS OF THIEVERY SCENES

Muratov Yurii Mikhailovich

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
georgemoor@mail.ru

The article considers the motivation for denomination of a theft in the Russian language according to its scene. Investigation of this model seems to be of importance for the analysis of the whole lexical-semantic field (LSF) of “embezzlement” in the Russian language, because, firstly, it is connected with the Common Slavic nomination of a human being according to his place of residence, and, secondly, the majority of *nomen agentis* of the field are formed exclusively within the framework of this model.

Key words and phrases: lexical-semantic field; motivational model; history of Russian vocabulary; habitat; biotope; embezzlement; thief; thief.

УДК 82.512.1–131

Филологические науки

В статье поднимается весьма важная для татарской фольклористики проблема письменно распространённого дастанного эпоса, акцентируется внимание на роль эпического фольклора в специфическом развитии татарских дастанов, книжные дастаны рассматриваются как разновидность жанра эпоса. Автор выдвигает мысль о том, что татарские книжные дастаны, будучи полуфольклорными, полулитературными произведениями, объединяют в себе единство традиционно-типичного и индивидуального творчества.

Ключевые слова и фразы: эпос; фольклор; устный дастан; книжный дастан; разновидность; жанр; бытование; письменный.

Мухаметзянова Лилия Хатиповна, к. филол. н.

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан
lilmuhat@mail.ru

ТАТАРСКИЕ КНИЖНЫЕ ДАСТАНЫ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭПИЧЕСКОГО ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ[©]

Эпическая традиция каждого народа имеет свою историческую форму, которая обладает национальными чертами, но в то же время взаимосвязана и с другими национальными формами. В мировом фольклоре жанр эпоса – это вид творчества, имеющий акциональные, вербальные и текстуальные грани. В эпосе разных народов мира может доминировать либо одна, либо две, а иногда и все три грани, и национальный эпос в каждом случае развивается и формируется, обретая индивидуальный характер по отношению к синкретичности жанра.

В традиционном «живом» эпосе, как правило, сравнительно одинаково присутствуют все три грани – акциональность, вербальность и эпический текст – важные составляющие жанра. В то же время имеет место и преобладание или отсутствие у того или иного народа одной из этих граней. Так, например, даже общий для нескольких народов эпический сюжет не всегда распространялся лишь как устное народное творчество, когда присутствуют исполняющий эпос сказитель, слушающая аудитория и человек, письменно фиксирующий фольклорный текст. Под воздействием различных факторов в отдельных случаях в фольклоре формировалась и книжная разновидность эпоса. Книжный эпос – это сохранившие в стиле, семантике, особенностях распространения в той или иной степени традиции народного творчества, не совсем утратившие связь с фольклором, дошедшие до наших дней благодаря автору, переписчику или переработчику эпоса в письменно-книжной форме, варьирующиеся письменные эпические памятники. Такие ученые, как А. Н. Веселовский (1940), В. М. Жирмунский (1962, 1974, 1977, 1979), Е. М. Мелетинский (1963, 1986), Б. Н. Путилов (1971, 1988), П. А. Гринцер (1974), В. М. Гацак (1971), Х. Г. Короглы (1976, 1983), В. П. Пропп (1976), И. В. Стеблева (1965, 1976), С. Ю. Неклюдов (1984, 1985), А. Б. Куделин (1978), Б. Л. Рифтин (1970, 1978), В. Н. Ярхо (2001), М. А. Усманов (1972, 1994), М. И. Ахметзянов (2000), Ф. И. Урманчеев (1984, 1999, 2002, 2009), М. Х. Бакиров (2001, 2008, 2012), Н. Ш. Хисамов (1979, 1984, 2006), А. Х. Садекова (2000), А. М. Сулейманов (2004),